

Русская линия

Православное информационное агентство

Железный занавес православия

21.02.2002

На фоне сближения России с Европой резким контрастом выделяется новый кризис и без того плохих отношений РПЦ и католической церкви, вызванный решением Ватикана создать российские епархии и бурными протестами нашей церковной иерархии. Чем вызваны эти протесты и почему у русского православия такие плохие отношения именно с католиками?

На первый взгляд, никакими собственно религиозными соображениями столь бурная реакция не объяснима. При всех различиях православия и католицизма они неизмеримо меньше, чем, скажем, православия и мусульманства, или возрожденного в разных далеких регионах нашей страны шаманизма, или просто атеизма. Православие видит в католицизме церковь, в которой возможно спасение души, которое невозможно, например, для атеиста или буддиста. Между тем, согласно опросам в 1991-1999 годах, не реже раза в месяц посещали церковь 6-7% русских (меньше, чем в любой другой стране Европы и, возможно, мира), а никогда не были в ней – 45%, причем роста регулярного посещения церкви за этот период не произошло. Принимали причастие меньше месяца назад в 1999 году 2% русских людей, мужчин – 0%, лиц до 30 лет – 1% (никогда не причащались или причащались когда-то в детстве – 70%). Для подавляющего большинства русских людей, таким образом, перспективы спасения души – более чем сомнительные, и если бы, например, еще 1-2% стали бы ходить в церкви, пусть и католические, это – хорошо, а не плохо, это – общее увеличение возможностей спасения русских душ. Борьба именно с католицизмом, а не с просто неверием (или исламом, или иудаизмом, или шаманизмом) кажется "не логичной".

На самом деле она совершенно логична, только рассматривать ее надо в иной логике, не логике "спасения душ", а логике интересов церковной организации. Эти интересы направлены на то, чтобы при помощи государства максимально "монополизировать" русский религиозный "рынок" (не такой уж большой, ибо людей, готовых ходить в церковь – не только православную, но какую бы то ни было, не так уж много) и соответственно – не допускать на этот "рынок" конкурентов. И здесь наиболее опасный враг – не самый идейно далекий, а самый "конкурентоспособный". Ислам или иудаизм – неизмеримо дальше, чем католицизм, но они не предпринимают серьезных усилий по обращению русских людей, и между ними и русскими – громадный культурный барьер. Наоборот, католицизм может привлечь относительно многих, прежде всего в очень важном слое – религиозно заинтересованной интеллигенции. Тот, кто идейно ближе, как конкурент, может быть куда опасней, чем тот, кто дальше.

Это – та же логика, которая в Средние века делала еретика и раскольника более ненавистным, чем иноверец, а в "новом Средневековье" для коммунистов троцкиста – опаснее, чем православного или католика.

Этой "средневековой" логике соответствуют и "средневековые" мораль и "иерархия ценностей". Это – мораль, в которой практически не действует основной моральный принцип – не делай другому того, что ты не хочешь, чтобы он делал тебе. По этой морали, если царский режим и потом Сталин уничтожают униатов и передают их церкви православным, это – ничего, но если затем вышедшие из подполья униаты забирают у православных свои церкви – это ужасно. Если Россия в свое время добилась церковной независимости от Константинополя и создала свое патриаршество – это замечательно, а если украинцы хотят добиться церковной независимости от России – это просто гнусность. То, что есть православные церкви в Японии или даже в Индонезии и их никто не трогает – прекрасно, а в России кришнаитов надо бы просто запретить. И это – иерархия ценностей, по которой страстные протесты вызывает не приватизационное ограбление, не нечестные выборы, не война в Чечне, а открытие католических епархий и страшная перспектива приезда Папы в Россию.

Какое значение может иметь то, что общественная деятельность церкви подчинена такой логике и такой морали? На первый взгляд, небольшое. Реально верующие, "церковные" люди у нас – незначительное меньшинство, причем, несмотря на весь "религиозный бум" 90-х гг., в основном – это пожилые и чаще деревенские женщины (остатки традиционной сельской религиозности), общественной активностью не отличающиеся.

Но влияние церкви определяется не числом верующих, оно – неизмеримо больше. Хотя падение советской власти и не привело к заметному увеличению числа прихожан, оно привело к тому, что для громадного большинства лишившихся ориентиров людей церковь стала символом моральной устойчивости и национальной идентичности. Большинство русских, даже атеистов, убеждены, что церковь – "учит добру" и "духовности" и что православие – неотъемлемая часть "русскости". И именно этой общей убежденностью и одновременно "удобством" для власти церкви, которая борется не с ее преступлениями власти, а с католиками и "сектами", и объясняется публичная религиозность наших властителей, плавно перешедших от посещения партсобраний к посещению церкви, и их готовность идти навстречу желаниям церковной иерархии.

Авторитет церкви – очень велик, и если бы патриарх или духовники президентов (вроде бы есть и такие) требовали от них покаяния за все, совершенное за последние 10 лет или хотя бы – прекращения войны в Чечне, то их, конечно, просто бы выгнали и все лицензии на ввоз табака отняли бы, но страна была бы совсем иной и несколько лучше. Однако они требуют совсем другого. И страна – такая, какая есть.

Все взаимосвязано. Общество – единое целое. И церковь – его элемент. Мораль общества не может быть резко выше, чем мораль церкви, в которой оно видит свой духовный авторитет. Правовое, открытое общество и национальная церковь, озабоченная больше всего тем, чтобы "закрыть" страну в религиозном отношении, – не совместимы. Между стремлением "в Европу" и стремлениями церкви эту Европу в лице католицизма на порог не пускать – противоречие, которое раньше или позже должно быть разрешено.

Теоретически можно представить себе, что церковь в союзе с разными другими "патриотическими" силами "закроет" страну. Но даже если это возможно, то на очень ограниченный период, и судьба церкви в результате такой победы будет ещё более печальной, чем судьба страны. Вообще, чем успешнее были в истории попытки закрыть общество, тем плачевнее участь тех, кто его закрывал. Царская Россия, где переход в иную веру был уголовно наказуем, была в религиозном отношении закрыта идеально, и именно это привело к катастрофе 1917 года. (Можно привести другой пример. Советская Россия была полностью закрыта для легального антимарксизма. В результате в постсоветской России есть все что угодно, только марксизма – нет.) В конечном счете, несомненно, не церковь "закроет" общество, а развивающееся и становящееся все более открытым общество преобразует церковь, как это происходило уже много раз в разных странах и с разными церквями. Как это произошло с тем же католицизмом, который еще относительно недавно поддерживал разные фашистского типа режимы, вроде франкистского или салазаровского, "закрывавшие" свои страны от "вредных влияний", а в наше время стал одной из опор современных демократий. Но это – очень трудно и произойдет еще очень не скоро. И нормальной "европейской" страной мы тоже станем не скоро.